

Серафима Мельникова

С Фимой по жизни

Сборник рассказов

Серафима Мельникова

**С Фимой по жизни.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Мельникова С.

С Фимой по жизни. Сборник рассказов / С. Мельникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853209-2

Зовут меня Елена, но когда решила обнародовать рассказы, не хватило смелости публиковать их под своим именем, так я стала Серафимой. Сроднилась с этим псевдонимом, а обращение Фима стало вторым именем. Я рада каждому заглянувшему в мою книгу. Проходите. Располагайтесь. Отдохните. Иногда нужно просто остановиться и посмотреть на то, мимо чего мы каждый день проходим и не замечаем. А это «всего лишь» наша жизнь...

ISBN 978-5-44-853209-2

© Мельникова С.
© Издательские решения

Содержание

«Дарханские хроники»	6
Колян	7
Аппендицит	8
А был ли мальчик?	10
Хвост	12
Китайский экспресс	14
«Попутчики»	16
Погоня	17
Оконный переплёт	20
Электро-баян и туфли от армянов	23
Глава 1	23
Глава 2	23
Глава 3	24
Глава 4	25
Глава 5	26
Глава 6	27
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	29
Хорёк	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С Фимой по жизни Сборник рассказов

Серафима Мельникова

© Серафима Мельникова, 2017

ISBN 978-5-4485-3209-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Дарханские хроники»

*(Воспоминания о детстве и юности прошедших
в городе Дархане, Монголия.)*

Колян

Барак – удивительное сообщество, абсолютно разных людей. Тому, кто этого не испытывал трудно понять, что такое коммуналка или барак. Наш барак был самый обычный. Длинные коридоры налево и направо. В концах коридоров туалеты с умывальниками, вода только холодная. Кухня общая, но там только стирали и кипятили бельё, а готовить предпочитали в комнатах, на маленьких, электрических плитках.

Шестнадцать семей жили кто в двух смежных, а кто в одной комнатах. Две комнаты полагались семьям с детьми, ну а одна соответственно бездетным.

Нашему бараку «повезло», у нас дети были в каждой семье. Возраст детей от пяти и до семнадцати лет, в общей сложности двадцать душ. Конечно, мы дружили, разбиваясь на возрастные группировки, но иногда наши интересы пересекались, и тогда случалось всякое.

Природа так распорядилась, что наши с братом мама и папа были выше среднего роста, и мы соответственно тоже не мелкие. А в соседних «апартаментах» жили Николаевы, у них было два сына шестнадцатилетний Вовка, ровесник моего брата и Колян – семи лет от роду.

В силу возраста Колян никак не мог понять, отчего они с Вовкой маленького роста, а я и мой брат – высокие. Промучившись несколько дней этой неразрешимой проблемой, Колян решил выяснить всё из первоисточника. А именно: пришел к нашей маме и напрямую спросил: «Тётъ Тамар, а чё-й-то, Юрка с Ленкой у вас такие высокие, а мы с Вовкой маленькие?» Надо заметить, что моя мама, женщина с юмором, и на прямо поставленный вопрос дала прямой ответ: «Скажи мне друг Колян, а вас мама из лейки по утрам поливает?» Тот с удивлением сказал, что нет. На, что она, в свою очередь, объяснила: «Вот! А я Юрку с Ленкой, каждое утро этим делом и выращиваю».

Колян ушел обдумывать полученную информацию. Через несколько дней, все уже забыли об этом разговоре, как вдруг на пороге появилась мама Коляна.

– Слушай, Тамар, что ты Коляну такое наговорила, он каждое утро орет: поливай нас из лейки, а то мы так карандахами и останемся! – народ был не злой, посмеялись и разошлись.

Столько лет прошло, а я очень тепло вспоминаю наше житьё-бытьё в бараке. Где он теперь, Колян? Вырос или нет, не знаю. Но иногда, уже став взрослой, говорю своей маме: «Вот, зачем же ты так много поливала меня из лейки, такая я большая выросла?»

Аппендицит

Не помню точно, но, кажется, я тогда училась в девятом. Было это в конце семидесятых годов, уже прошлого века. Стояла обычная монгольская осень. Надо вам сказать, что это самое красивое время года в этой части земли. Осень там буквально золотая. Сухая и солнечная. Весь Дархан был засажен тополями. Они прижились там, как никакие другие деревья. Поэтому весной город утопал в пуховой метели, а вот осенью его просто заваливало огромным лиственным покрывалом. Мы очень любили, не спеша идти из школы по этой шуршащей массе и трепаться на всякие девчачьи темы.

И вот в один из таких замечательных дней случилась такая неприятность, как приступ аппендицита у моей подруги Наташки. Советская больница нашего маленького городка, тоже не отличалась размахом. Располагалась она в одном из барakov, половина которого служила нам поликлиникой, а вторая соответственно, стационаром.

Прооперировали мою подругу успешно, хотя есть одна деталь, которая меня пугает до сих пор. Операцию по удалению аппендикса, тогда проводили под местной анестезией. То есть пациентка в здравом уме и трезвой памяти, лежит на операционном столе, а все остальные, принимающие участие в этом действе, с ней, при этом, ещё и разговаривают. Но в операционной то ещё ничего, а вот когда в палату перевезут, да местная анестезия отходить начинает, вот тут самое интересное и начинается. Как Наташка говорила, чтоб нам понятней было: «Вам зубы удаляли? Знаете, что потом бывает? Так вот представьте, что у вас в животе не тридцать два, а все сто тридцать два зуба удалили одновременно, и после этого вся заморозка и отошла» Вот примерно такие ощущения.

Но как я уже сказала, всё прошло нормально, и отход заморозки она тоже пережила. Начался период выздоровления, с посещениями родных и близких. Нам нравилось навещать Наташку в воскресенье. Поликлиника в этот день не работала, и поэтому все посетители и выздоравливающие рассредоточивались, по всем закоулкам и «холлам», где стояли удобные диваны. В будни туда доступа не было, там шел приём больных, пришедших в поликлинику. Кабинеты, конечно, закрывались.

В тот день мы расположились в «холле» перед кабинетом гинеколога, и мирно перемывали «кости» своим знакомым. Уборщица, в это же время, решила провести уборку кабинетов. И вот дойдя до нас и открыв этот злосчастный кабинет, её кто-то позвал, и она ушла. Мимо открытой двери кабинета прогуливались двое выздоравливающих мужиков. Уж не знаю, чем они болели, а только выглядели вполне здоровыми. Их заинтересовала

конструкция кресла для осмотра, видя, что рядом никого из медперсонала нет, они вошли в кабинет и стали его рассматривать. Дверь они не закрыли и мы с удовольствием наблюдали за ними. В процессе обсуждения технологии посадки в этот агрегат, они поспорили, о том, куда и что правильно ставить. У одного из них кончились аргументы, и он решил на деле показать, как это происходит.

И показал.

Сел он в кресло правильно, но видимо у него что-то было со спиной не в порядке, потому что в следующий момент он дико заорал. Второй выскочил из кабинета и побежал за доктором. Всё время пока искали врача, пока он пришел, мужик сидел в гинекологическом кресле, практически готовый к осмотру, только что не разделся.

Пришедшие на помощь, врач с сестрой, сначала опешили. После чего доктор глубокомысленно произнёс: «Эк, вас батенька занесло!», привезли каталку, дядьку кое-как выковырнули из этого прокрустова ложа, и отправили в палату. Нам, разумеется, было смешно, а вернувшаяся уборщица ещё долго гудела о том, что мол, ходят тут разные.

Наташку в скором времени выписали, и мы снова гуляли по шуршащим листьям.

А был ли мальчик?

Всегда нелегко найти место для уединения. Даже если вы живёте в огромном доме с множеством комнат, постоянно кто-нибудь мешает заниматься личными делами. А что говорить о стеснённых условиях....

Я, мои родители и старший брат жили в двух комнатах барака города Дархана, что в Монголии. Ему пятнадцать, я тремя годами младше. Не нужно говорить, что такое пятнадцать лет, тем более для мальчика. Но мой брат был довольно рассудительным подростком, если не сказать правильным. Я думаю, что все трудности связанные с его переходным возрастом, миновали моих родителей, так как их просто не было.

То, что он хорош собой, знал и умел этим пользоваться. С малых лет был дамским угодником, даже на детских фотографиях всегда снимался с девочками. Те в свою очередь пищали и визжали, когда он пытался их обнять, но при этом млели, глядя на него, и всячески старались снова и снова привлечь его внимание.

Но мой рассказ о другом. Тот, кто жил в бараке или коммуналке, знает, что остаться наедине с самим собой можно только в одном месте. Как ни странно, но это – туалет. Ни для кого не секрет, что очень многие люди любят читать в туалете. Так вот, этим поздним, осенним вечером мой брат уединился в этом, не совсем подходящем, месте с интересной книгой. Но я напому, что дело было в бараке, где на сорок человек (пардон за подробность) приходилось четыре туалетных кабинки. Да, в общем, и, не совсем в России, где вечерние прогулки в одиночестве были небезопасны.

Моя мама, по истечении некоторого времени, не зная, что брат взял собой книгу, но, зная, куда пошел, слегка заволновалась. Пошла к туалету и тихонько позвала брата, стучаться неудобно, а вдруг, там кто-нибудь другой. Брат, увлечённый книгой и не услышал её. Заволновавшись ещё больше мама вернулась домой, и разбудила, уже спящих, отца и меня. Мы принялись за поиски. Так как мама сказала, что в туалете брата нет, туда и не пошли. Обойдя все остальные закутки никого не нашли. В приступе тихой паники мама начала стучаться к соседям, сначала к тем, где жили друзья брата, а потом и к остальным. Через пятнадцать минут барак был поднят «в ружьё». Но никаких результатов это не дало. Я, в сопровождении двух друзей, была послана в соседний барак, где жила девочка, за которой брат ухаживал, но и там его не обнаружили.

Вернувшись назад, я увидела поле поисковых действий. На довольно большой площадке перед бараком находился «весь личный состав» в полной боевой готовности, кто-то звал во весь голос, кто-то предлагал куда-то пойти и вызвать подмогу. Я тихо поскуливала.

Мама с папой вообще не представляли, что делать. И вот, когда паника достигла апогея, тихо и незаметно, позади всей толпы появился мой брат.

Вернувшись, домой, и никого там не застав он очень удивился, решил подождать, но мы не возвращались. Тогда решил пойти посмотреть, куда же мы делись. Пройдя по всему барaku и опять, никого не обнаружив, вышел на улицу и обалдел. Все соседи, не смотря на столь поздний час, стояли всматриваясь в темноту и кого-то искали. Тогда он, тихонько, чтоб не привлекать внимания, постучал по спине соседа, и спросил: «Дядь, Коль, а кого ищем-то?» На что тот, не оборачиваясь, ответил: «Да Юрка пропал». А поскольку Юрка был один в бараке, брат недоуменно спросил: «А я тогда кто?»

Что там немая сцена у Гоголя. Все в оцепенении стояли и ничего не понимали. Ругать маму не могли, видя её состояние, поэтому разошлись молча. Но заснуть той ночью получилось не сразу. То из одной, то из другой комнаты, временами слышался хохот. Так вот я о чём думаю, при всех неудобствах и трудностях мы жили по человечески. Если смешно – смеялись все вместе, если беда – тоже горевали не в одиночку.

ХВОСТ

Трудно найти человека, который пройдёт мимо валяющейся на земле, нужной, вещи и не попробует поднять её. Все мы грешны в том, что стараемся прибрать, плохо лежащее. Моя история про жадность.

Ехали двое, один водитель другой экспедитор, на грузовике, по довольно пустынной монгольской степи. Дорога не предвещала никаких неожиданностей. Надо сказать, что дороги в семидесятых годах в Монголии представляли очень унылое и однообразное зрелище. Машин, как встречных, так и попутных практически нет. Растительности, в смысле деревьев, тоже нет. Осень: степь с пожухлой травой, вдалеке сопки. Освежают пейзаж только одиноко стоящие, высоковольтные столбы.

И вдруг прямо на дороге, лежит огромный як. Для тех, кто слабо представляет, як – это огромный, лохматый, дикий бык с рогами длиной по пол метра каждый. Эти замечательные животные сохранились в нетронутых степях Монголии. Так вот, лежит на дороге это чудо природы и не подаёт никаких признаков жизни. Добавлю, что в природе яки очень агрессивны.

Сначала мужики остановили машину и подождали, но бык не шевелился. Тогда осмелев, сначала водитель, а затем и экспедитор, подошли посмотреть поближе. Бык, как им показалось, даже не дышал. Они потолкали его монтировкой, попинали ногой, а в ответ тишина. И стали думать, что же делать не бросать же такую добычу на дороге.

Немного отвлекусь и скажу, что в моде у женщин того периода были парики и шиньоны. А поскольку достать, как тогда говорили, «фирменный», было практически невозможно, то придумывали разные хитрости, чтоб соответствовать моде. Одной из них и было их изготовление из шерсти яка. Парики были странные. Представьте себе: пережжённые химической завивкой волосы, слегка напоминающие паклю. А уж чем их красили, чтобы получить подходящий цвет, лучше даже и не представлять, потому что краски хорошей, да ещё, чтобы держалась на шерсти яка, вообще не существовало.

Процедура была не хитрая: у монгол, покупали хвост яка, как могли, мыли и дезинфицировали его. Сами понимаете, где он рос и, что на нем оседало. Состригали с него тонкие пряди и на специальном приспособлении (деревянной рамке с натянутыми шёлковыми нитями) плели длинный ряд бахромы из волос, а уже потом из него делали парик или шиньон.

Ну вот, а теперь вернёмся к нашим «охотникам» на дороге. Как у всякого запасливого хозяина, у водителя нашёлся топор. Решили сначала хвост у быка отрубить, а дальше

как получится. Подложили чурочку, чтоб рубить легче было. И один из них со всего маху-то и рубанул. Но хвост яка, в своей основе, костяной и очень твёрдый, так, что с первого раза, до конца отрубить его не получилось. Стал мужик примеряться для второго удара, а як возьми и поверни голову. Посмотреть на того, кто это там пытается у него хвост оттяпать. Мужики оцепенели. Они же были уверены, что этот бугай дохлый. Но чувство самосохранения взяло верх, и тут давай бог ноги. Но по какой-то неведомой причине оба побежали в степь, в сторону противоположную машине. Як озверел, боль недорубленного хвоста ему силы удвоила, и он погнался за врагами. Прятаться негде, одно спасение – столбы. На них и полезли, причём оба на один.

Помните столб на масленицу, гладкий, круглый, а наверху приз, залезешь и он – твой. Вот такой столб и попался нашим горе охотникам. Только призом жизнь была. С разъярённым быком шутки плохи, что там коррида здесь обороняться-то нечем.

Вот сидят они на столбе час, другой, а як не уходит. Круги вокруг столба нарежает, землю копытом роет, башкой столб на прочность пробует. На счастье, столб крепкий оказался. Стало темнеть, а в степи сумерки густые, в двух метрах ничего не видно. С наступлением темноты як вроде бы ушёл, но наверняка-то они этого не знали, и продолжали сидеть. Руки, ноги затекли, но страх сильнее. И тут, на счастье, машина попутная, их фарами осветила. Люди из другой машины вылезли, видят два мужика на столбе сидят, спрашивают: «Что случилось?» А те ответить могут, а слезть никак, руки одеревенели, им их еле-еле разомкнули и как спелые яблоки те на землю и попадали. Немного очухались, и бежать.

Вот и правда подумаешь – «не буди лихо – пока оно тихо».

Китайский экспресс

Помните фильм – «Безымянная звезда», там основным развлечением жителей провинциального, румынского города было встречать и провожать экспресс Бухарест – Синай, хотя он никогда не останавливался на их станции – он же был экспресс.

Так вот и для нас, основными воротами в наш славный город Дархан, был железнодорожный вокзал. Он же был местом регулярных вылазок, посмотреть, кто уезжает и как это происходит. Вокзал был дверью в ту жизнь, из которой мы все приехали, и по которой скучали.

Поезд в Союз отходил каждый день, около восьми часов вечера, поэтому зрелище было доступно всем желающим. И мы не отказывали себе в этом удовольствии.

Но по четвергам был необычный состав. Если во все остальные дни маршрут был: Улан-Батор – Москва, то в этот день: Пекин – Москва. Мы его называли китайский экспресс.

Это сейчас пол мира завалено китайскими товарами, и самих китайцев можно встретить чаще, чем соотечественников, но это были семидесятые годы двадцатого века. В Китае у власти находился Мао Цзэдун, страна была закрытая, и всё, что было с ней связано, вызывало трепетную таинственность.

Как и каждый день, в четверг, к вокзалу подходил поезд, он никогда не опаздывал. Даже внешне он отличался – был чёрного цвета, занавески всегда опущены, из вагонов выходили только проводники и никогда ни с кем не разговаривали.

В отличие от других дней, в этот на вокзале стояла гнетущая, противоестественная тишина. И мы, подчиняясь этой неведомой силе, тоже переходили на шепот. Посадка проходила безмолвно, казалось, что, погрузившись туда, пассажиры все пять дней дороги впадают в анабиоз и просыпаются только в Москве. Странно, но если была возможность выбора, китайским экспрессом никто не хотел ехать. Казалось бы чистый поезд, идёт без опозданий (в отличие от наших приходивших с опозданием на шесть а то и больше часов), нет, жутковато ехать этим составом.

Ещё нам интересно было посмотреть, какие они китайцы? Мы, конечно, видели их в деревне для «местно-русских», но те были другие.

Деревня для «местно – русских», странное выражение, да? Кто эти «местно – русские»? После революции, в двадцатых годах, из Сибири в Монголию, ушла армия под пред-

водительством барона Унгера, как многие другие эти люди думали, что временно находятся здесь, но ничего нет постоянного временного. Солдатам нужно было жить, и они стали создавать свои поселения, женились на монголках. А по закону они продолжали быть российскими гражданами, хотя вряд ли могли вернуться на родину. Вот отсюда и пошло это странное название – «местно – русские».

Так вот в этих деревнях жили и китайцы, которые эмигрировали из Китая. Нужно сказать, что китайцы были удивительно трудолюбивы. На маленьком клочке земли не пропало ни сантиметра, всё было возделано, росло и плодоносило любое растение. Свежие овощи были страшным дефицитом, потому, что монголы считали свою почву неплодородной, и занимались только скотоводством, а для китайцев при их перенаселении на родине, не было никаких преград – была бы земля и руки – и всё будет.

Но я отвлеклась, так вот местные китайцы не вызывали у нас такого интереса, а те из экспресса были для нас непостижимы. Мы с тупым упорством продолжали ходить и смотреть на этот поезд, и всё чего – то ждали, но ничего не происходило. И однажды мы задали китайской проводнице простой, ничего не значащий вопрос, я даже сейчас не помню точно зачем, мы спросили: «Который час?». Она страшно испугалась, мы не поняли чего: нас или наших вопросов, потом быстро ушла в вагон.

А потом интерес просто пропал, стало скучно.

Куда веселее было приходить в другие дни, смотреть на весёлые, не всегда трезвые лица отъезжающих, а то и провожать кого-нибудь из знакомых.

Однажды мы были свидетелями таких проводов: уезжала семья из трёх человек, мама с папой и девочка лет десяти. Вещей много, поезд стоит недолго, надо успеть. Сам отъезжающий уже в состоянии не стояния, пытался что-то делать, но у него плохо получалось. Его друзья быстро выстроились в цепочку, и грузят вещи, жена уже зашла в вагон, чтобы там следить за погрузкой, а девочка, видя всю эту суету и неразбериху, заплакала. Видя такое дело, папа взял её за руку и громко сказал: «Доча не бойся, я тебя не брошу!», и так повторял эту фразу до самого благополучного отправления.

И нам уже не хотелось по четвергам ходить к китайскому экспрессу, и смотреть как открываются и закрываются чужие ворота, все мы ждали того дня, когда откроются наши, и для нас прозвучит из вокзального динамика поезд Улан-Батор – Москва отправляется.

«Попутчики»

(Все мы попутчики в этой жизни)

Погоня

День с самого утра как-то не задался. Май месяц, а за окном небесный насморк и в жизни все остальные симптомы неудовлетворённости. Вода в кране холодная, а кофе в чашке горячий, туфли атласные, а под ногами лужи.... Позвонила в контору – там, конечно же, все в спячке, пока хозяйки нет. Устроила профилактику по телефону, но и это не помогло. Водитель опоздал, и мне пришлось ждать. Да всё я понимаю и про больную жену, и про пробки, и про то, что он в два раза старше меня, но удержаться от выговора не смогла.

Слава богу, приехали. Ну, правильно, теперь тётка с авоськами идёт и ничего вокруг себя не видит, я уже открыла рот, чтобы высказать ей всё, что о ней думаю и.... Передо мной стояла Ленка, Ленка Титова!

И снова это чувство, то ли зависти, то ли обожания. Мы жили в одном дворе, учились в одном классе и как ни странно были закадычными подругами. Почему странно? Потому, что, как это сейчас говорить, мы из разных социальных слоёв. Я – единственная дочь матери-одиночки и по совместительству дворничихи, а Ленка – тоже единственная дочь в семье профессора истории и обладателя самой большой (в нашем доме) пятикомнатной квартиры.

Сказать, что мы с мамой жили бедно – значит, ничего не сказать, не то чтобы у нас было мало денег, их вообще не было. Мама старалась, как могла, но лучше жить мы от этого не стали.

Ленку, напротив, бытовые и денежные вопросы просто не интересовали. В доме, где трое взрослых положили жизнь на алтарь её благополучия, всё было только для неё. Её мать, отец и бабушка уже не молоды, Ленка – поздний и желанный ребёнок, но, несмотря на это добра и отзывчива. Именно добра, ей всех жалко, не то чтобы она хотела казаться такой, она по-другому просто не могла.

Уже и не помню, с чего началась наша дружба: то ли меня кто-то обижал, а она вступилась; то ли она решила спасти застрявшего в трубе котёнка и я ей помогла....

Когда я первый раз попала к ним в дом, то не поверила своим глазам. Даже представить не могла, что люди могут так жить. В квартире: кабинет и столовая, библиотека и спальня – будуар, по дому все ходили в туфлях! Не в тапочках или носках, а именно в домашних туфлях. Двигались и разговаривали тихо и размеренно, и никто никуда не торопился. А ещё запах: пахло выпечкой, книгами и благополучием.

Мне всегда рады, не делали вид, а просто радовались, дети это очень точно чувствуют. Ленкина бабушка, усаживала нас обедать в столовой. Мы сидели за большим столом, накрытым красивой, вышитой скатертью. На серебряном подносе стояла супница и я, как завороченная, следила за всем этим обеденным ритуалом.

Книги, я не подозревала об их существовании, а тут мне не просто разрешали их читать, мне давали их брать домой.

Дома всё было по-другому: маленькая, обшарпанная комната, старый диван и посуда с надписью: «общепит», но, засыпая по ночам, я прижимала к себе книгу, как кусочек той, необыкновенной жизни. Мы росли, а ничего не менялось, с каждым годом в моей голове из множества кусочков складывался пазл моей будущей жизни.

И он действительно сложился. Не знаю, что меня больше поддерживало в трудные периоды, но всякий раз пред глазами стояла та, счастливая и богатая жизнь в квартире профессора истории.

Теперь у меня было даже больше того, что я хотела иметь когда-то. Я училась и работала как каторжная. Заводила нужные знакомства и использовала их. В итоге: я состоятельная, успешная бизнес – леди с пятикомнатными апартаментами и всеми остальными атрибутами той, придуманной в детстве, жизни.

И вдруг эта неожиданная встреча. Ленка постарела, пополнела и подурнела. Видно, что она уже давно не была в парикмахерской, и совсем не пользуется косметикой. Но всё равно это была Ленка, с абсолютно искренней радостью от встречи со мной.

Я предложила пойти в ресторан или в кафе, потому, что этот вечный дождь, не допуская никакого общения на улице. Ленка смутилась, глядя на свои стоптанные туфли и авоськи в руках. Извинившись за отказ, она неожиданно позвала меня к себе в гости, тем более что жила она в двух шагах.

И я, чтобы не смущать её ещё больше, согласилась. Она обрадовалась, и мы пошли.

Это был совсем другой дом. Двухкомнатная хрущёвка на четвёртом этаже без лифта. Дверь открыл бородатый мужчина в джинсах и майке. Ленкин муж, вежливо поздоровался со мной, представился Владимиром и, взяв у Ленки авоськи, ушёл на кухню. Я осмотрелась, мне показалось, что это та самая наша с мамой квартирка, с дешёвыми обоями и ситцевыми занавесками. Из соседней комнаты вышла Ленка с ребёнком на руках, малыш только проснулся, тёр кулаками глазки и прижимался к Ленке.

«Это – наш младшенький, Васенька!» – гордо сказала она.

Оказалось, что всего их трое, двое из которых сейчас в школе и детском саду. При всём внешнем спокойствии внутри меня всё бунтовало. Как же они тут живут впятером? Это же физически не возможно.

Володя, тем временем, накрыл стол на кухне и пригласил нас обедать. Сами понимаете, какие габариты в хрущёвских кухнях. Стоял обычный стол с табуретками. На столе: сковородка с жареной картошкой, не хитрый овощной салат и тарелка с нарезанной колбасой. «Гвоздём» стола была бутылка шампанского.

«Да, давно я так „не шиковала“!» – подумала я.

Или шампанское, ударившее мне в голову, или детские воспоминания разбредили душу, но опять (как в детстве) было тепло и спокойно. Сидеть и слушать Ленкин рассказ о том, что жизнь у неё хорошая: муж – пишет диссертацию, дети радуют успехами и послушанием, что очень не хватает родителей, который рано умерли. Тут прибежал Васенька

и залез к Ленке на колени. Он, долго и внимательно рассматривал меня, а потом показал мне язык и сам громко засмеялся. Васенька был такой трогательный и милый, мне очень хотелось взять его на руки, но я, от чего-то, постеснялась это сделать. Вместо этого сидела и рассматривала дырку на коленке его колгот.

Прощаясь в прихожей, мы обменялись номерами телефонов, договорились не пропадать и созваниваться. Я шла по улице и думала, что вряд ли когда-нибудь позвоню.

Вернувшись в офис, уже не хотелось работать, да и вообще ничего не хотелось. Пользуясь тем, что я хозяйка и что хочу то и делаю, просто ушла домой. Машину тоже отпустила (на радость водителю), а потому тихо брела по улицам и переулкам. Дома, прошла по всем комнатам, как будто впервые их увидев. Нет, все было дорого и красиво, приходящая горничная ежедневно истребляла каждую пылинку, даже в библиотеке всё было как лаборатории. И пахло там примерно также, не книгами и благополучием, а лавандовым ароматизатором.

Уже засыпая, подумала: « Так я добилась, чего хотела, или нет?» Все эти годы непоколебимо верила, что всё правильно, именно это и есть счастье. Замуж не пошла, думала, успею ещё. Надо сначала построить дом, заработать денег, а уж потом все эти мужья и дети. За чем же я гналась все это время?

Есть дом, есть деньги, но нет рядом такого вот небритого Володи, который с такой нежностью смотрел бы на меня, и его не смущало бы отсутствие маникюра и модельной стрижки.

А самое главное – нет у меня такого вот Васеньки с этой замечательной дыркой на коленке.

Оконный переплёт

Деревня, была самой обычной и ничем не примечательной. Ну, разве тем, что возле неё, лет двадцать назад, вырос наш дачный посёлок. Так бы совсем умерла деревенька, но благодаря соседству с дачниками держалась на плаву. Зимой, жизнь засыпала, как и весь окружающий пейзаж. А весной оживала и вплоть до поздней осени, пусть неспешной, скорее сонной жизнью, но все-таки жила.

Несколько лет назад случилась эта история, и все мы: и дачники и деревенские долго её обсуждали. Помните, нашумевший фильм «9,5 недель», с Микки Рурком и Ким Бессинджер? Если не помните, то не огорчайтесь, потому что их странная любовь детские картинки на фоне этого происшествия.

Деревня была маленькая, от шоссе далеко, а потому супермаркеты там строить никто не торопился. Один местный коммерсант открыл небольшой магазинчик, в котором предлагал односельчанам нехитрый набор первой необходимости. Сам-то он, давно уже перебрался в город, в деревне бывал наездами. Вот и в тот злополучный день нужно было провести ревизию и составить отчёты, чем он и занялся в маленькой каморочке именуемой кабинетом. Лето выдалось жаркое, а потому все двери и окна были распахнуты.

Весь штат этого коммерческого предприятия состоял из двух единиц. А именно: продащицы – Алевтины и грузчика, и его же сторожа – Гришки.

Алевтина была дамой разведенной, а потому очень озабоченной поиском очередного мужа. Но, увы, приезжие заходили редко, и, как правило, не с марьяжным интересом. Тем более, что и внешне Алевтина – девушка на очень большого любителя. Роста невысокого, с правильными чертами лица, но овал лица (как бы это сказать) был не очень правильным, одним словом кривоватый. И дополнял всю эту «красоту» роскошный, необъятный зад. Деревенские часто над ней подшучивали: «Алевтина, как же ты в проходах не застреваешь?» Она по началу обижалась, а потом привыкла и не обращала внимания.

Гришка был на три года моложе Алевтины, к тому же единственный холостяк в деревне и когда-то, очень даже недурён собой, но многолетняя страсть к алкоголю изменила его до неузнаваемости. Хотя этот факт Алевтину не смущал, в деревне все мужики такие, вон

хотя бы и муж её бывший Фёдор, что жил по соседству с магазином, и был закадычным Гришкиным другом.

Накануне, друзья хорошо посидели, от чего сегодня Гришке было не хорошо. Он всё норовил где-нибудь прилечь и забыться, а тут как назло директор прикатил и Алевтина всё ему работу искала. Наконец, он нашел себе пристанище в дальней кладовочке, на мешках. Под потолком маленькое окошечко и его приятно обдувал ветерок, снилось что-то вкусное. Там его и застукала Алевтина. Она всегда делала одно и тоже в таких ситуациях: хватала веник и выдавала Гришке по первое число, не разбирая где лицо, а где совсем наоборот.

Вот и сегодня, не изменила себе. Гришка, спросонья, не понял, что происходит, вскочил и побежал отчего-то не к двери, а полез по мешкам к окну и попытался сквозь него просочиться. Алевтина, видя такое дело, решила его догнать и полезла за ним. Он, имея конституцию субтильную, в окошко выскочил, она же, не оценив, что по габаритам не пройдет, в проём втиснулась и застряла. Да так неудобно: по пояс она на улице, а филейная часть на рабочем месте осталась. Долго кричала в след убегающему Гришке всевозможные угрозы, предрекала ему смерть неминуемую от её карающей руки, но он (подлец) скрылся, и возвращаться за исполнением наказания не собирался.

Алевтина сначала попыталась выбраться из этой ловушки, но при каждом телодвижении только ещё крепче застревала в ней. Прошло минут десять, и тут она почувствовала, что кто-то решил воспользоваться её бедственным положением. И воспользовался. Она же, во-первых, всегда помнила установку: «Если вас пытаются изнасиловать – не сопротивляйтесь, а попробуйте расслабиться и получить удовольствие»; а во-вторых, так истосковалась по этому самому удовольствию, что даже и не думала сопротивляться. Расслабилась так, что сама не заметила, как освободилась из плена. Но рядом уже никого не было.

Стала Алевтина думать: «Кто же это такой отчаянный, что не побоялся её прямо посреди рабочего дня обесчестить?» По всему выходило – Гришка. Больше не кому, это он ей так решил отомстить за веник и за угрозы. Два дня Алевтина думала, а на третий пошла в соседнюю деревню, к участковому, заявление на Гришку писать. Но в тюрьму его сажать она не хотела, думала: «Припугну – он на мне и женится!»

Участковый репу почесал, заявление ещё раз прочитал и говорит: – Пошли, будем место преступления осматривать.

Пришли на место, а по пути к Гришке зашли, и хоть тот от всего отказывался, его с собой тоже прихватили. Осмотрел участковый кладовочку, окошко проверил и говорит: – Будем следственный эксперимент проводить. Ты Гришка, сиди тут. Ты Алевтина, давай показывай, как ты застряла. А я, на улицу выйду, посмотрю, что там.

Алевтина полезла. Гришка видит всю эту мизансцену, и думает:

«Сейчас этот участковый чего-нибудь найдет, мне это дело припишет, а я, ни за что в тюрьме сидеть буду? Нет, сидеть – так за дело»

Подпёр дверь изнутри и к Алевтине. Так она была вторично изнасилована, причём в этот раз в присутствии участкового. Тот даже сначала не понял, от чего это потерпевшая такие сладострастные звуки издаёт, а когда до него дошло, то факт уже стал свершившимся.

После этого Гришку в кутузку отвезли и делу ход дали. Почти два месяца разбирательство шло. На суд все ходячие поехали, уж больно хотелось на этот «театр военных действий» посмотреть. Суд был как в кино: с прокурором, адвокатом и даже свидетели нашлись.

Один – Федька, бывший муж Алевтины, он Гришкино алиби подтверждал. Получалось, что во время первого изнасилования они на пару бражку пробовали, а после этого, ни в какое дело употреблены быть не могли, вплоть до вечера следующего дня.

Вторым свидетелем был бомж, Иван Каземирович, он в аккурат в это же самое время в магазин за водочкой зашел и видел, как из кладовочки-то, директор выходил и штаны на ходу застёгивал.

В общем, долго судили, да рядили. Дали всем заключительное слово. Дошла очередь до Алевтины, она встаёт и говорит: – Я от всех претензий отказываюсь, путь только Гришка на мне женится.

Тут Гришка, как заорёт: – Нет! Я лучше в тюрьму сяду, но жениться не буду!

Судья молотком постучал и ушел приговор выносить. В итоге больше всех пострадал участковый, ему служебное расследование назначили и в результате с работы уволили. Гришке срок всё-таки дали, но условный. На Алевтине он так и не женился, хотя веником она его гонять перестала.

Да, весёлое в тот год выдалось лето, вот только участковому не повезло.

Электро-баян и туфли от армянов

Глава 1

Когда мы пришли к тётке, она не плакала, но состояние было близкое к истерике. Шутка ли: ушёл старший сын служить в армию, и в самом финале службы прислал письмо, в котором сообщил, что должен жениться.

Сразу скажу, что кузен мой всегда был разумным и последовательным. При внешней привлекательности вниманием барышень не избалован. И вдруг должен!

Главная интрига сюжета в том, что выбора не было. Служил в Украине (тогда она была ещё союзной республикой, а не суверенным государством), причём не в столице, а самой, что ни на есть глубинке с замечательным названием деревня Хмелевое. Там, как в Иванове, невест много, а женихов не очень. Выручала географическая близость с военной частью. Барышни знакомились, и если повезёт, с кольцом на правой руке покидали отчий дом. Кузен имел неосторожность влюбиться не просто в барышню, а в несовершеннолетнюю девицу. Её папенька не препятствовал их тесному общению, но в нужное время предупредил, что из этого дилижанса только два выхода: первый – в ЗАГС, второй – под трибунал. Но братец мой, как честный человек и отличник боевой и политической подготовки, не собирался обманывать барышню. Тем более его уверили в скором рождении ребёнка.

Делать нечего, надо ехать на свадьбу. Родственников было на ту пору много, а средств всегда не хватало, потому делегировали восемь человек. Состав такой: родители жениха Лев Андреевич и Раиса Петровна – будущие сваты; моя матушка Тамара Петровна – общее руководство процессом; двоюродный бат Александр – незаменимый тамада; его жена Елена – профессиональный повар; тётушка Любовь Петровна – потому что куда же без неё; я – как портниха любительница; и десятилетний брат жениха Рома – какая же свадьба без младшего брата. Собрались в путь дорогу, накупили гостинцев, взяли нарядные одежды и поехали.

Глава 2

На станцию назначения поезд прибыл в два часа ночи. Украинские ночи и так тёмные, а уж ноябрьские и подавно. Моросил лёгкий дождичек, ветрено. Нас встретили, (только мужчины), но, слава богу, целоваться не пришлось. Погрузились в машину и поехали.казалось, что ехали очень долго. Кругом непроглядная темнота и видимо поэтому очень хотелось спать.

Наконец машина остановилась перед каким-то домом, забегали незнакомые женщины. Тётушка моя тщетно искала глазами сына, как нам пояснили он в части, увольнительную дадут завтра. Мне же интереснее было взглянуть на невесту, но я никак не могла вычислить её в толпе снующих людей. Или ночная дорога так подействовала, но когда мы вошли в дом, то было странное ощущение того, что внутреннее его пространство гораздо меньше, чем он кажется снаружи. А ещё удивил пол, застеленный газетами. На вопрос: «А зачем это?», получила очень резонный ответ: «Ну, полы же вымыты, чтоб не натоптать»

Наконец столы накрыты, и в половине четвёртого (ночи или уже утра, я, честно говоря, затрудняюсь определить это время суток) предложили снять неловкость общения местной горилкой и немудрёной закуской.

И тут я разглядела невесту. Обыкновенная девушка, выглядевшая гораздо старше пятнадцати лет, но может к утру, сняв бесформенный фланелевый халат и сделав макияж, она помолодеет?

На ночлег нас определили тут же, просто вынесли столы и стулья. Будущих сватов положили на единственную в комнате кровать, остальным же на полу были постелены матрасы и перины. Но лечь и заснуть не представлялось никакой возможности. Сначала (пardon за подробности) очень хотелось посетить дамскую комнату, но мы не знали о месте её нахождения. Терпение дошло до той границы, когда становится всё равно у кого спрашивать «где находится уборная?», нам показали это благословенное место. Удобства были во дворе. Но на пути к нему ждало очередное препятствие в виде огромного и злого пса, отчего-то посаженного на цепь прямо перед туалетом. Мы с Ленкой, вернулись в дом с просьбой убрать собаку.

– Та ни чОго, – сказала будущая сватья, – Мишаня вас проводит.

Мишаней оказался старший брат невесты, недавно вернувшийся из армии. Делать нечего: лучше один раз неловкое смущение, чем длительные проблемы с мочевым пузырём. Вернувшись, переоделись в более подходящую для сна одежду – в халаты. Только я успела запахнуть полы своего, как в комнату вошёл ещё один потенциальный родственник. Он был немолод, высок, пьян в телогрейке, зимней шапке и кирзовых сапогах. Увидев меня, манерно изобразил смущение, сказав: «Ой, вы така карасива, як артыстка», улыбнулся щербатым ртом и вышел. Я критически оглядела себя: «Может и на свадьбу в этом халатике пойти, раз он такое впечатление производит?»

К пяти утра наконец-то приняли горизонтальное положение, но спать не могли, потому что с пяти минутным интервалом заходил кто-нибудь из будущих родственников с вопросом: «Вам ны чОго нэ надо?» После седьмого захода всех начал бить истерический смех, моя маменька и тётушка Любовь Петровна, (как самые старшие из присутствующих там дам), деликатно и твёрдо намекнули о том, что надо бы выспаться. После этого всё, наконец, смолкло.

Глава 3

А в восемь часов пришёл из части мой кузен. Увидев его, мы зарыдали, такой он был худой и измученный в этой болтающейся шинели и огромных сапогах. Он тоже слегка всплакнул (ему же было всего двадцать), не знаю, отчего: то ли от радости, что видит маму, то ли от внезапного понимания того, что мы всё-таки приехали, а он и не надеялся. В общем, когда схлынула первая волна эмоций, надвинулась реальность. А заключалась она в следую-

щем: уборка помещения с расстановкой столов и стульев, подгонка костюма жениха и приготовление угощения.

Ну, по порядку.

Накануне вечером, мы не всё увидели. В красном углу комнаты в обрамлении вышитого рушника висела (как мне казалось) икона. Каково же было мое удивление, когда при дневном свете это оказался не лик святого, а выгоревший постер с изображением некой полуголой наездницы, а ниже весь угол завешан открытками в стиле «любви меня, как я тебя». Пока выносили лишнюю мебель, маменька моя довольно бесцеремонно всю эту красоту ликвидировала, как класс. Видя её решительность, никто не посмел возразить.

Я же в это время занялась подгонкой свадебного костюма жениха, ведь его покупали без примерки. Благодаря пропорциональной и стандартной фигуре кузена, работы у меня было немного. Закончив, по своей наивности, поинтересовалась у невесты, а что с её нарядом, всё в порядке? И во время, когда я увидела этот «золушкин» наряд, то выпала в осадок. Складывалось ощущение, что в этом платье уже семеро умерло: не новое и совсем не чистое, хотя и не плохого фасона.

– Откуда оно? – поинтересовалась я.

– Та, то батька у клуби на прокат, узяв – ответила невеста.

– Как на прокат? – не поняла я.

– Так, у нас усе так делают – последовал ответ.

– А туфли, какие? Каблук высокий? – продолжала я.

И тогда мне их показали. Каблуков не было вообще. Это были не туфли, а картонные белые тапочки сорокового размера покрашенной золотым лаком. Видя моё недоумение, девушка искренне не поняла:

– А шо? То батька у армянов купыв! – с гордостью добавила она.

«Наверное, на вырост» – подумала я, ведь у невесты ножка не больше тридцать шестого. Маменька моя, видя всю эту «красоту» тихонько мне сказала: «Я б в таких, даже в гроб ложиться не согласилась». Тут подошла будущая свекровь. Тётушка обречённо посмотрела на меня с немым вопросом в глазах: «Что делать?»

– Платье я приведу в порядок, – обнадёжила я, – но вот туфли от армянов....

Не весть от куда взявшийся сват, сказал, что они едут в город, и тётушка тут же сорвалась с ним, прихватив будущую сноху. Вскоре они вернулись. Девушка светилась радостью, не выпуская из рук коробку с туфлями, таких у неё ещё не было никогда.

Для подгонки платья, невесте пришлось его примерить, видя её тонкую талию, тётушка моя Любовь Петровна, строгим учительским тоном спросила: – А на каком ты сроке беременности?

– Та ни, – бесхитростно ответила невеста, – то просто задержка була, я нэ берэменная.

Мы ещё раз переглянулись, но ничего не сказали. Только я про себя подумала:

«Значит это любовь!»

Глава 4

День клонился к вечеру, а у нас маковой росинки во рту не было. В связи со всеми приготовлениями, мы чётко понимали, что спать нам тут негде. Оказалось, что зря переживали, нас уже определили на постой к соседям, милым старикам, деду Милько и бабе Вере.

Если ночь ещё была впереди, то кушать хотелось уже сейчас. Вдобавок ко всему, из летней кухни, на весь двор распространялись такие запахи, что голова шла кругом. Там, шло поточное производство голубцов, котлет, холодца и прочей снеди к завтрашнему торжеству. Брат мой Шура, человек прямой и не злой, но всё-таки мужчина, а потому путь и к его сердцу лежит по известному маршруту. Поэтому мы не сильно удивились, когда он злой и голодный вошёл в комнату и чётко сказал, обращаясь к моей матушке:

– Крёстная, мы сегодня есть будем? Полный дом мяса, блин! Дай мне сковородку я сам сейчас кого-нибудь зажарю!

После чего на столе материализовались тарелки с салом, варёной картошкой и солёными помидорками. Хлебом, нарезан большими ломтями, а ещё в кастрюльке был не то супчик, не то похлёбочка с огромными кусками жирного мяса. Венчала всю эту красоту запотевшая бутылка беленькой. Мы не заставили себя долго уговаривать и принялись за еду.

Хозяева тоже присели перекусить, и если они были дома, и их ничего не смущало, то мы несколько замешкались оттого, что на столе не было вилок. Их не было и вчера, но мы это списали на суматоху. Тетушка моя, Любовь Петровна, решила не церемониться и напрямую попросить столовые приборы. Оказалось, что их в доме всего пять штук, и некоторые из них уже потеряли по одному зубу. Будущий сват быстренько сориентировался и отлучившись ненадолго, вернулся с целым мешком алюминиевых вилок. На них тоже не всё накалывалось, но не ложками же сало есть.

Невеста, сидевшая с нами за столом и радушно угощавшая нас, видимо хотела показать, что уж она-то с вилками умеет обращаться. Взяла с тарелки сало рукой, а потом, нанизав его на вилку, пыталась оторвать от него кусочек зубами...

Наконец, мы были сыты, и жизнь показалась замечательной. Дальше всё пошло своим чередом.

Глава 5

Напомню, что мы тоже приехали не с пустыми руками, но по приезде отдали всё хозяевам, а те убрали гостинцы в погреб. Выудив содержимое обратно, принялись за нарезку и сервировку. Если с колбасой, сыром и прочей корейкой всё ясно, то, что делать с селёдкой никто не знал. Помните, какие главные холодные закуски были раньше на столе? Конечно же, салат «оливье» и селёдка под «шубой». Но мы подозревали, что при полном отсутствии в доме вилок, такая закуска может прийтись не по вкусу хозяевам. У нас даже возник негромкий спор по этому поводу, мои маменька и тётушка настаивали на приготовлении, я же вяло сопротивлялась. Мы не обратили внимания, что сзади стоял и слушал всю нашу дискуссию Мишаня, заметив его, тетушка Любовь Петровна, решила обратиться к массам:

– Миша, как вы думаете, что лучше сделать с селёдкой? Кусочками нарезать или под «шубой» сделать?

– Конечно, под «шубой» – уверенно заявил Мишаня, а потом добавил – А как это?

Дороги назад не было, я принялась чистить рыбу. Представляете сколько её нужно на свадьбу? И ведь не просто почистить надо, но отделить от всех косточек. Сижу, чищу, руки практически по локоть в селёдке и рассоле. А я же на свадьбу ехала, потому на ногтях длинный маникюр ярко алого цвета. И вот, по мере того, как заполнялся тазик с начищенной рыбой, в комнате становилось всё больше и больше зрителей. Они с каким-то брезгливым трепетом смотрели на селёдку и мои руки, казалось, что меня саму никто не видит. Когда

я закончила, сама не знаю почему, запустила руки в таз с начищенной селёдкой и сжала их в кулаки, пропуская между пальцев селёдочную массу. Толпа зевак не выдержала и бросилась врассыпную, зрелище было не самое красивое, маменька моя с укором посмотрела на меня:

– Развлеклась? А теперь продолжай.

Единственным зрителем остался Мишаня. Он наблюдал за всем процессом до самого конца. Очень ему было интересно, как же я буду наряжать селёдку в шубу. Но, по моему, остался несколько разочарован, тем фактом, что шубой казался яично-овощной слой, а не мохнатая шкурка. Вот столы расставлены, скатерти накрыты, приборы сервированы, усталые, но довольные мы отправились в баню.

Глава 6

Не знаю точно, как определялась очерёдность посещения этого места, но мы точно были в конце списка. Может это такой обычай, что накануне свадьбы баню хозяев должно посетить всё взрослое население посёлка? Тем не менее, дело обстояло именно так. Но нам было уже всё равно, главное добраться до горячей воды и смыть с себя все волнения этого длинного дня.

Ждал ещё один сюрприз, а именно место нашего нового обитания. Дом деда Милько и бабы Веры, разительно отличался и комфортом, и чистотой, и почти городской обстановкой. Сами же хозяева, не смотря на довольно почтенный возраст, не испытывали никаких трудностей в общении с нами. Складывалось такое ощущение, что мы давно друг друга знаем, не надо напрягаться. И ещё, у них в доме были нормальные вилки!

В общем, всё не так уж и плохо. Достали из сумок нарядные одежды, погладили и развесили их по всему периметру комнаты. Она, кстати, тоже была одна на всех, но после первой ночи на полу, нас это уже не смущало. Засыпая, всё никак не могли успокоиться, вспоминая уже вчерашние события, и фантазировали на тему: «А что ж будет завтра?» Больше всего занимал один интересный факт, о котором мы узнали ещё дома, из письма. Описывая то, как будет проходить свадьба, мой кузен упоминал о том, на торжество уже ангажирован электро-баян. Все мы первый раз слышали о его существовании, и очень любопытно было посмотреть на этот чудо инструмент. Ночь прошла быстро и относительно спокойно.

Глава 7

Утро пришло в с мелким дождичком, а ночью, оказывается, был лёгкий морозец, потому под ногами – каток. Пока занимались последними приготовлениями в доме, нас это не пугало. Слегка отвлекали «экскурсанты», все кому не лень приходили посмотреть, как приезжие кацапы (в смысле русские) свадьбу готовят.

Совсем не стесняясь нашего присутствия, обсуждали, мол: «Та всё по-городскому: с салхветками, цветами в вазах, со скатертями на столах. Смотри, каждому тарелка стоит, да ещё и с вилок! Ой, а чой-то на тарелках-то нарезано, колбаса какая-то или мясо? Глянь, глянь конфеты с яблоками зачем-то на столах в вазах?»

Много всякого говорили, но мы уже были в цейтноте, потому не реагировали. К полудню всё было готово. Предстоял ритуал выкупа невесты. Тут всё прошло тихо (я бы даже сказала вяло), пришли и купили, да никто особо и не торговался, цену назвали и тут же сговорились. Невесту вывели, она была хороша, как все невесты, может потому, что это особое состояние женской души, не зависящее от возраста и стоимости платья.

Вот тут с моими матушкой и тётушками случился первый приступ паники. А произошло это потому, что перед походом в клуб, где собственно и должен производиться акт гражданского бракосочетания, все присутствующие гости (да и хозяева тоже) решили, перекусить за праздничным столом. Может это конечно ерунда и формальности, но только не для моих любимых родственниц, они грудью стали на защиту основных декораций свадьбы. А я не нашла ничего лучше, как напугать непонятливых гостей сказав, что это очень плохая примета, если сесть за свадебный стол до росписи, то молодой гулять будет. Я и сама не знала какой эффект произведут мои слова. Все гости, как ошпаренные, кинулись прочь. Это я уже потом узнала, что будущий сват любитель на сторону поглядывать, вот они и испугались, как бы невесте участь матери не досталась.

Нас тоже стали учить местным обычаям. На машинах в клуб тут никто не ездил, а шли пешком, но с разных сторон. Жених и его гости идут в одну сторону, а невеста со своими в другую. Так, обойдя всю деревню, обе процессии встречаются у клуба, где и происходит регистрация. Напомню, ноябрь месяц, ночью был мороз, а утром дождь, погодка та ещё, но жениться-то надо. И мы сделали так, как нам объяснили, а когда увидели колонну невесты, то не поверили своим глазам. Потому что все вокруг были одеты (причём по-зимнему) и только невеста шла в капроновом облаке фаты и платья, а на ногах у неё были, так понравившиеся ей босоножки на тонкой подмётке и с тремя ремешками по стопе. Цвет её кожи приближался к голубому, а губы предательски дрожали, но она продолжала улыбаться.

По сценарию, старший боярин (а именно мой брат Шура,) должен обнять жениха за плечи и чинно, благородно подвести к невесте. Видя, что промедление бронхиту подобно, Шура очень быстро повёл жениха в нужном направлении, и как только дошел, снял с себя куртку и накинул на дрожащую девушку. Она испытала двойственные чувства: с одной стороны – уже замёрзла до опупения, но с другой стороны – все должны видеть её невестой.

Две колоны гостей слились в одну и все дружно зашли в клуб. Обряд формальный, с обычным набором: «Согласны, не согласны; наденьте кольца; поцелуйте друг друга»

Но потом всё пошло не совсем привычно: сначала бабушка невесты с иконой в руках, благословила молодых. Потом, под пение певчих, посредством вышитого рушника, с молодыми совершили незнакомый ритуал: перевязывали им руки и водили по кругу, заставляли стоять на нём и совершать ещё какие-то манипуляции.

Обратный путь: теперь молодые шли во главе процессии, обходя всю деревню. И вдруг, подойдя к очередному дому, мы увидели его хозяина с ведром воды в руках. Все остановились, подойдя к молодым, хозяин начал медленно лить на дорогу воду, которая тут же замерзала, превращаясь в лёд, и когда он вылил всю, остановился, лукаво глядя на жениха. Тот, взяв на руки невесту, осторожно ступил на скользкую дорожку. Пока он шел все ждали: уронит или не уронит? Не уронил! Хозяину наливали чарку и шли дальше. Пока добрались до дома, этот трюк моему кузену пришлось проделать ещё четырежды, и он с честью с ним справился.

Дальше всё привычно: родители с хлебом солью, кто больше откусит, плодитесь и размножайтесь.

Глава 8

Толпа гостей хлынула за столы. Но отчего-то никто не тропился снимать верхнюю одежду, на замечание моей маменьки сделанное подружке невесты, та жеманно улыбаясь, ответила: «Та шо вы тётеньку, я так змэрзла, шо раздэваться нэ хОчу»

Славянское застолье видимо не имеет национальности, потому везде одинаково. Тосты, крики «Горько» и изобилие стола. После третьего тоста, стало скучно, и я принялась подглядывать за гостями.

Вот интересный дядечка с любопытством разглядывает вилку и спрашивает у соседа: «А на шо мэни вона?»

Вот покрасневшая молодуха, влюблёнными глазами смотрит на моего брата Шуру, который совершенно освоился, непрестанно шутил и балагурил, исполняя роль старшего боярина (то бишь тамады).

Вот сваха приглашает гостей во двор плясать, там играют музыканты, но на улице льёт дождь и гости не хотят мокнуть, а сваха обижается: ведь время музыкантов оплачено и скоро они уйдут.

Вот молодёжь стайкой убегает куда-то, чтобы праздновать без надзора взрослых.

Все снова рассаживаются за столы. Мы (во время перекура) заменили приборы чистыми, а гости не понимают: «Я же тут сидел? У меня в тарелке ещё харч оставался? Куда он делся?»

Вот бабулька держит в руках конфету в золотой фольге, конфета большая, блестящая и бабулька, не зная, как её развернуть, кусает через обёртку.

Я вдруг поймала не очень весёлый взгляд своего дядюшки Льва Андреевича. Он улыбался, старался во всём участвовать, но взгляд его оставался грустным. Сам вырос в деревне и очень хорошо знал эту жизнь, но что-то тревожило его. А тут ещё одна неловкая тётка подавала голубцы и как бы «нечаянно» облила новый костюм маслом с блюда. Мне показалось, что она это сделала специально, уж для каких целей не знаю, может просто потому, что мы другие. А только дядюшка мой вышел, и я видела, что пока остальные пытались спасти его костюм, он украдкой вытирал слёзы. Не думаю, что плакал он из-за испорченной одежды, скорее это были слёзы безысходности, что всё сложилось так, как сложилось и от него уже ничего не зависело.

Окончательно устав я ушла спать, а свадьба ещё пела и плясала до самого утра, кто-то смеялся, кто-то плакал, в общем, каждый гулял по-своему.

Глава 9

Часам к трём и мои родственники добрались до спальных мест. Но принятый на грудь алкоголь и перевозбуждение не давали покоя. Мы вроде бы засыпали, но стоило кому-нибудь одному сказать слово, как все принимались бурно обсуждать свадебные события. Громко смеялись и наш хозяин, дед Милько, всё порывался к нам зайти. Он говорил: «Девки, ну шо вы никак не угомонитесь, вот я вас сейчас успокою» Но баба Вера, пресекала его поползновения: «Сиди уж успокоитель» – говорила он, и он отступал.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего. Разве, что мы, наконец, увидели вожделенный электро-баян. До сих пор не понимаю, в чём соль изобретения, но агрегат выглядел, как обычный баян со шнуром, воткнутым в розетку. Да, играл он громче обычного, но в этом не было особой необходимости, его перекричать никто и не пытался.

Потом наступил день отъезда. Целый день собирались, упаковывая местные гостинцы. Молодые с нами не ехали, кузену до демобилизации оставался ещё месяц, и они планировали вернуться к новому году. Мы, за эти дни, к счастью, нашли друзей и не нажили врагов, поэтому прощались с сожалением, ведь свадьба это такое мероприятие, которое сводит незнакомых людей всего на два дня.

Дед Милько и баба Вера плакали: «Девки оставайтесь, с вами весело».

Обратный путь показался короче. Мы вернулись к привычным делам и заботам.

А молодые приехали, как и планировали к новому году. По началу я думала, что не уживутся, уж очень разная была у них жизнь до свадьбы. И все последующие события, подтверждали это. Но знаете, в прошлом году они выдали замуж свою дочку, а восемь месяцев назад у них родилась внучка.

Видимо электро-баян таки сыграл свою главную партию и не важно, что туфли от армян так и сгнули где-то в глубине сундука.

Главное в том, что: раз есть до, должно быть и после.

Хорёк

У вас не было такого: долго с кем-нибудь общаешься и вдруг, начинаешь замечать сходство этого человека с животным или птицей? Я вам расскажу одну историю, а вы уж сами судите: шизофрения это или реальность.

В конце прошлого века жила-была барышня. Хорошо жила, не бедно. Только вот замуж никак не могла выйти, не брал никто. И всем, казалось бы, девка удалась: не кривая, не косая, высокая да ладная и хозяйка хорошая, а как говорить, или петь начнёт – так равных ей вообще не сыскать. Но вот ухажёры ей попадались, как бы это сказать не кавалеры, а пользователи, ну в смысле: попользовался и в кусты, а именно домой к «нелюбимой», но очень родной жёнушке. И так из-за этого у неё самооценка понизилась, что совсем скисла девка. Вот в это не весёлое время и попался ей наш герой, звали его Игорем.

Познакомились они (как это всегда, или почти всегда бывает) случайно: он ошибся номером телефона, а она сняла трубку. Поболтали раз, поболтали другой, по голосам друг другу понравились. После недельного телефонного знакомства решили встретиться. А она как назло загрипповала, но, не смотря на это, очень ей хотелось посмотреть с кем же это она все последние вечера общается. И решила она, не мудрствуя лукаво, пригласить его к себе в гости, а он возьми и согласись.

В назначенный час раздался звонок в дверь. Увидев её, он оробел (напомню, что девушка она была высокая и статная), он хоть и роста выше среднего, но особой статью не отличался, скорее наоборот, был худощав, а если совсем точно – тощ. Он протянул ей цветы и, понимая, что пауза затянулась сказал:

– А я по голосу вас представлял совсем другой.

– Какой? – живо поинтересовалась хозяйка.

– Ну, не знаю, мне казалось, что вы маленькая и худенькая – совсем смутившись, ляпнул он.

Она вдруг весело засмеялась:

– Ну, да, ну, да. По голосу пони, а на самом деле тётя лошадь. Мне часто говорили, что у меня полное несоответствие внешности и телефонного голоса. Но мне кажется, что я себя в подробностях описывала и ничего о своей внешности не скрывала?

Он слегка осмелел и пояснил:

– Да, говорила, но я всё равно представлял вас иначе. Вы не сердитесь, просто все мои знакомые женщины гораздо ниже меня ростом, а с вами он у нас практически одинаковый.

«Слава богу, что объёмом бёдер меряться не стал – подумала она – тут бы он точно поиграл» А вслух спросила:

– И много их?

– Кого? – не понял он.

– Как кого, их – этих знакомых женщин, что гораздо ниже ростом?

Они (к этому времени) уже удобно расположились в гостинной и, выпив немного принесённого им вина, совсем успокоились для продолжения светской беседы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.